

ВЛАДИМИР ГЕРЬЕ

ПРИЗВАНИЕ
РОССИИ НА
ВОСТОКЕ

Владимир Герье

Призвание России на Востоке

«Public Domain»

1898

Герье В. И.

Призвание России на Востоке / В. И. Герье — «Public Domain», 1898

«Знамение и славу девятнадцатого века составит совершившееся в нем возрождение народов. Возрождение это было делом различных факторов науки, политики и культуры. Сообразно с этим и самое возрождение проявлялось различно — в исторической науке, в политической жизни или в культуре. Для исторической науки и благодаря ей воскресли ассирияне, вавилоняне, еще более древние народы Сумира и Аккада, Алародийцы и друг., о которых в начале века почти ничего или даже вовсе ничего не было известно и которые стоят теперь пред нами с более или менее ясными очертаниями своего государственного устройства, своей религии, своей политики, своего языка, искусства и науки. Другие народы, не сходявшие с исторической сцены, возродились, приняв новые государственные формы, к новой политической жизни — таковы итальянцы, немцы, болгары...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

8

Владимир Герье

Призвание России на Востоке

Was verfolgst du meine Heerde?

Raum für Alle hat die Erde!

Горный дух у Шиллера.

Знамение и славу девятнадцатого века составит совершившееся в нем *возрождение народов*. Возрождение это было делом различных факторов науки, политики и культуры. Сообразно с этим и самое возрождение проявлялось различно – в исторической науке, в политической жизни или в культуре. Для исторической науки и благодаря ей воскресли ассирияне, вавилоняне, еще более древние народы Сумира и Аккада, Алародийцы и друг., о которых в начале века почти ничего или даже вовсе ничего не было известно и которые стоят теперь пред нами с более или менее ясными очертаниями своего государственного устройства, своей религии, своей политики, своего языка, искусства и науки. Другие народы, не сходявшие с исторической сцены, возродились, приняв новые государственные формы, к новой политической жизни – таковы итальянцы, немцы, болгары. Наконец заглушенные, полузабытые национальности, не призванные к самостоятельной государственной жизни, возрождались к творчеству духовному, стали проявлять свою индивидуальность в области образования и культуры. Таковы наприм. фламандцы! Кто знал в начале века о фламандцах что-нибудь помимо того, что существует в живописи такого названия школа? А в настоящее время говорят о фламандской нации, имеющей свою литературу, свои национальные школы, свою будущность. Не стремясь к отделению от французских валлонов, с которыми фламандцы слились в одно Бельгийское государство, фламандцы стремятся к подъему в человеческой культуре и духовной деятельности на почве своего языка и национальности. Чтобы объяснить причины и средства, обуславливавшие политическое возрождение Италии, Германии и Болгарии, достаточно назвать имена Кавура, Бисмарка, императора Александра II; для объяснения же незаметно совершавшагося культурного подъема фламандцев, пришлось бы называть целый ряд почтенных и часто неизвестных тружеников в школе, в литературе и науке. Но есть народ современный тем, которые ныне могут быть предметом изучения лишь для археологов и в тоже время народ живой, своею судьбою сильно возбуждающий интерес современной нам публицистики. Имя этого народа упоминается уже в клинообразных надписях царя Дария на Багистанской скале, и история страны, им занятой и носящей его имя, поведена нам еще более древними письменами и тот же самый народ на наших глазах напрягает все свои силы, чтобы усвоить себе элементы современной европейской образованности. Это тот народ, которому шлют *братскую помощь* участники и читатели этого сборника.

Но не звучит ли иронией слово *возрождение* в применении к народу, многие тысячи которого подверглись организованному, беспощадному истреблению или были принуждены, покинув родной кров, скитаться на чужбине? Мы этого не думаем и в этом убеждении нас поддерживает прочитанное нами на днях описание поездки по «Турану и Армении».¹

Автор этого описания немец, д-р Рорбах из Страсбурга, весною 1896 года проехался по Закаспийской железной дороге до Самарканда и по Кавказу до развалин древнего Ани. Книгу эту автор написал для своих соотечественников, мало знакомых с Закавказьем и Туркестаном, но она во многих отношениях интересна и для русского читателя. Благодаря живой впечатлительности автора, пораженного величием и оригинальностью представлявшагося ему зрелища, и искусству его передавать свои впечатления, всякий с удовольствием прочтет рассказ об его

---

¹ Оно напечатано в 6 последних книжках журнала «Preussische Jahrbücher» за 1897 год.

путешествии и некоторые из его «картин» оставят в читателе неизгладимое впечатление. Картины эти заняли-бы слишком много места на этих страницах, но мы не можем не указать для образчика на одну из них, набросанную автором на развалинах Мерва, куда доставила автора русская тройка с железнодорожной станции.

«Много тысяч верст я проехал в своей жизни, но не считал возможным скакать так быстро, как мчался я в это утро». Развалины Мерва представляют собою необъятное поле смерти в сто слишком квадратных верст, т. е. более современного Берлина. На этом поле ясно выделяются остатки нескольких городов, один за другим здесь возникавших и разоряемых. Последним из них был *персидский* Мерв или Байрам Али Хан-Кала, разрушенный туркменами лишь сто лет тому назад. Раньше тут стоял город XVI века; еще раньше Султан-Кала, построенный в XII веке Санджаром, султаном Сельджуков. Ему предшествовал Гяур-Кала, христианский город, населенный с VIII по XI век несторианами; а еще раньше в этой местности процветала и погибла Искандер-Кала, увековечившая среди мусульманского мира память Александра Великого, т. е. древняя Антиохия Маргиана, памятник владычества эллинской цивилизации в этом крае. «Все время мы мчались сквозь развалившиеся городские ворота, через обвалившиеся рвы, по первобытным мостам, через илистые каналы, при помощи пущенной во весь опор тройки перелетали через крепостную стену, обратившуюся в бесформенный вал, с высоты которого глаз до самого небосклона ничего не видел, кроме развалин и развалин. Солнце жгло все сильнее-сильнее и все страннее становилось впечатление от окружающей меня картины. Я уже ехал среди развалин более мили; повсюду виднелись обломки стен, целые холмы разломанных кирпичей, бесчисленные черепки, обломки пестрых изразцов, истлевшие человеческие кости, кое-где уцелевшая часть черепа; между подавляющими грудями мусора вьется подобие дороги, по которой мы едем. Кругом полное уединение, кучер замолк на козлах, а сто шагов впереди нас скачущий, как автомат, туркмен, вытянувшийся прямо как стрела на своем коне, в громадной, белой папахе с болтавшейся на боку шашкой и с неподвижной, в правой руке, нагайкой; и затем самое поразительное: все это поле смерти горит, как бы покрытое пылающими угольями, от ярко освещенных солнцем, кроваво-красных цветков мака. На верхушках холмов мусора стоят лишь отдельные маковинки, но в углублениях они образуют густой, ярко-пунцовый ковер, и насколько глаз может видеть, этот красный отблеск переливается над развалинами, напоминающими в своей величественной монотонности волны моря. На бронзовом небе солнце разжигается все сильнее; поднявшийся из пустыни жгучий ветер подул как из печки над развалинами; мне стало жутко в этой обстановке и я велел остановиться. Красный дикий мак своим возбуждающим и в то же время усыпляющим запахом произвел странное действие на фантазию: как под стенами Геок-Тепе, где он также застилал степь своими цветами, из покрытой развалинами почвы и здесь он вызвал призрак кровавого потока – то море крови, в котором некогда Чингис-Хан потопил могущество и блеск древнего Мерва, когда здесь был убит его любимый внук Мутуген, сын Джагатая.» И за этим следует рассказ о погроме Мерва, когда, по описанию арабского летописца, жителей Мерва, по 10.000, ежедневно выводили в пустыню для избиения монгольскими воинами, что продолжалось 130 дней; после этого монголы покинули город, в котором не осталось ни одной живой души, ни одной целой кровли, ни одного дерева с зеленой веткой.

Зрелище нагроможденных веками развалин под палящими лучами солнца и ковром кровавых цветов заставляет нас содрогнуться перед роковыми, стихийными силами в природе и истории, а описание уединенного Эчмиадзина над цветущей долиной Аракса в весеннюю лунную ночь, с его обветшалыми башнями, отраженными черными тенями на светлом фоне монастырского двора и огоньком в келье ученого монаха, задумавшагося над судьбами своей нации, – полно грусти и меланхолии; картина же и теперь еще величественных развалин древнецарской столицы Багратидов, разоренной монголами и разрушенной землетрясением, – в

виду надвигавшейся черной грозовой тучи, представляется символом трагической судьбы обитавшего здесь народа.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.